

СКРЕПОЧКА

Пока на амвоне дворцового храма
шуты извивались смешно и нелепо,
в башке короля колотилось упрямо:
«Духовная скрепа, духовная скрепа».

И вроде бы всё как и прежде толково -
кольшется рожь, умножается репа.
А вот на душе отчего-то хуёво,
там где-то зудится духовная скрепа.

В народе какая-то злобность во взгляде,
толчётся в безверье он глупо и слепо.
Придворные — суки, в правительстве — бляди.
Единственный выход — духовная скрепа.

Духовник кивнул, выражая прискорбность,
зять выпил за тему поллитру с прицепом:
«Король, ну их на, сунь им в жопу соборность
и выверни матку духовною скрепой».

Бездельники, эмо, фейсбук, экстремисты,
певцы безобразья от рока до рэпа,
тусня, бандерлоги и иеговисты —
по каждому плачет духовная скрепа.

И скрепа проснулась. Поправив завивку,
она поднялась, величаво-свирепа,
зевнула — и ёбнула всем по загривку.
Она была строгой, духовная скрепа.

Король рассуждал с бутылём «Цинандали»,
камин разжигая наколотой щепой:
«Ништjak, козью морду мы им показали?
Запомнят надолго. Не правда ли, скрепа?»

Бурьян. Колокольни. Казаки. Дружины.
Значок ГТО. Православье. Вертепы.
Герои труда. Справа бронемашина.
На флаге рейхстага — духовная скрепа...

Я был в этом городе. Вечером снежным
стоял он без шуток, без мата, без света.
Рекламой отелей встречали приезжих
мертвецкие склепы, мертвецкие склепы.

В КОРИДОРЕ

Поступив в сумасшедший дом,
не жалей ни о чём, мой милый.

В нём тепло и уютно в нём,
и не все тут кругом дебилы.

Здесь сиделки смиренны как шёлк,
доктора участливы тоже.
«Человек человеку волк?»
Ну зачем ты меня по роже?

Человек человеку друг,
человек человеку братик.
Вот те саечка за испуг.
Испугался, поплакал? Хватит.

Полежишь, микстуры попьёшь,
станешь смиренным, полезным даже.
Ничего, это нервная дрожь.
Ничего, это только сажа.

Это копоть чадящих дней, -
тех, которые миновали.
Ты горел в камерке своей,
ты в ней бредил какой-то далью,

всё стремился за горизонт,
посвящал сонеты кому-то...
Я-то знала, что это понт,
понт, рассчитанный на минуту.

Ты не слушал меня, родной, —
так любил, как кричат немые.
Не помог тебе голос мой...
Пусть поможет лоботомия.

БЕССОННИЦА

Когда по жизни всё легко,
удача ломится,
с ночным попутным ветерком
придёт бессонница.

Она ругнётся матерком
и ляжет около.
И позабытым холодком
потянет по полу.

И станет всё вдруг непростым
и скучным делом -
как будто залпом холостым
жизнь просвистела.

Как будто это был не ты,
а кто-то лишний.
Чужие вздорные мечты
прошли и вышли.

А ты лежишь сейчас вот здесь —
ты вдруг попался.
Совсем другой — такой как есть,
а не казался.

Ошибок тянется поток
печальной конницей...
Дымок пуская в потолок,
лежит бессонница.

Лишь коньяком смахнёшь её,
сведёшь из дому.
Она, как то хулиганья,
пойдёт к другому.

И станешь жить, дружить с вином -
всё по-простецки.
С хорошим и здоровым сном.
Почти мертвецким.

ЗВОНОК

Если верить телефону, то звонит Егор Катугин,
только голоса Егора что-то я не узнаю.
У Егора бас примерный, мы его за это любим,
здесь же — ангельская песня, допустимая в раю.

«Здравствуй, — говорит мне песня. — Это я, Смирнова Белла.
Помнишь, мы на третьем курсе целовались во дворе?»
Как не помнить, было дело. Было дело, было дело,
было дело, было дело, было дело в октябре.

В октябре мы целовались, биохимию не сдали,
и истмат опять не сдали, и ещё чего-то там.
Потому что улетали в неизведанные дали,
там витали в райских кущах, или проще — по кустам.

А с кустов спадали листья, обнажая суть явлений,
и не только суть явлений, но и нежные соски.
Каждый день дарил нам столько всевозможных откровений,
что смолчать тут было можно, лишь зажав язык в тиски.

А язык не зажимался, потому что не бывает,
что когда кого-то любишь, ты ему не говоришь,
что всего его ты любишь или всю её ты любишь.

И пусть мир к чертям летает, если просто рядом спишь.

Просыпались, просыпали биохимию всю ту же,
и истмат всё тот, опять же, и шатались по кино.
Только петелька сжималась этим временем всё туже,
и в бокале выдыхалось золотистое вино.

И в зачётах разных химий под декабрьской порошей
что-то где-то потерялось — невозможно, навсегда.
Потому что вдруг услышать: «Ты прости меня, хороший.
Ты был очень-очень нужным...» Ну, вы поняли всё, да?

Наступал январь свинцовый, уходил февраль тоскливый
и лишь в марте, только в марте стало можно вдруг дышать.
И Катугин отряхнулся, стал привычным и ленивым:
сколько можно у соседей острые ножики держать?

А потом все стало проще, жизнь тянулась незаметно,
без особых потрясений и каких-то страшных бед.
Это трубка телефона, это не Егор, конкретно.
Это просто райский голос...
«Извини, не помню. Нет».

СИБИРСКОЕ

*"По итогам последней переписи населения слово «сибиряк» в графе
«национальность» побил все рекорды".*

Журнал "Эксперт"

Вдруг вопрос заметался в воздухе —
не к добру эти истины низкие —
вы зачем утверждаете, олухи,
что не русские, а сибирские?

Отчего не радуете, мерины,
за Россию с берёзками близкими?
Ведь казаками вольность посеяна,
на глухих на просторах сибирских.

Вам и речь, и история дадены
пушек залпами канонирскими.
Что за блажь, отвечайте, граждане,
быть не русскими, а сибирскими?

Почесав под треугом проплешину
и напялив часы «Командирские»,
я отвечу вам, русичи лешие,
отчего мы такие, сибирские.

Оттого, что достали вы, братия,

телевизором с песнями склизкими,
депутатами вашими, партиями
и законами антисибирскими.

Пусть дома на Рублёвке у публики
не высокие и не низкие
за пятьсот миллионов рубликов.
Деньги — русские, нефть — сибирская.

Потому что давно у вас, милые,
в жилах кровь не простая — вампирская,
и в глазах только цифры унылые.
А у нас ещё — сосны сибирские.

Нет, конечно, не все вы исчадия:
есть среди вас и морально нам близкие.
Так вколите противоядие,
растворитесь в просторах сибирских.

А коль нет, обретайтесь в Московии —
хоть в тамбовской, а хоть и в башкирской.
Если так вам сподручней, толковее,
но оставьте нам наше, сибирское.

Бездорожное, стылое, дикое,
неуютное, дезертирское,
староверчески-темноликое.
Одним словом, не ваше — сибирское.

И живите себе по-расейски, —
мы дадим вам и нефти, и стали.
Не чужие вы нам, европейские.
Только, видите ли, достали.

40 ГРАДУСОВ

Сергею Александрову

Законопаченные улицы
встречают утренний мороз.
Подслеповато город щурится
сквозь призму стынущих берёз
на человек, что торопятся
попасть в присутствие, пока
машин сверкающая конница
из пробки вырвалась слегка.
И фары противотуманные,
совсем не лишние сейчас,
мерцают точками обманными
и в этот раз, и в этот раз.

За светофором замороженным
уходит в будущее блик
грядущих дел, в компьютер сложенных,
и ждущих исполненья их.
И граждане окоченевшие,
переступив тепло и лён,
преодолев мороз, успешно
впрягаются в рабочий день.

Мы с псом им, бедным, не завидуем,
хоть и желаем всем добра.
Но мы на отдыхе. И, видимо,
я выпью водочки с утра.

ПЕРЕХОД

Переменный ток, переменная жизнь,
Перемена школьная первая.
Переменный слог, перевёрнутый лист, —
Перевёрнутый напрочь, наверное.

Перекошенный луг, перепаханный лог,
Перепутанный мир в сознании.
Перекупленный друг, перепроданный Бог,
Перепроданный кем-то заранее.

Пережитком дождь переходит грань
Перемены меж ливнем и моросью.
Перманентный вождь предвещает брань
Пересвета с ордынскою волостью.

Переводчик врёт — перевода нет:
Перевода русского с русского.
Перестрелян влёт мёртвый интернет
Перестрелкой гуннов с этрусками.

Перебита кость, перепит сосед,
Переезжена линия встречная.
Переспавший гость поношает вслед
Переростка с вопросами вечными.

Пероральный смог поражает мозг
Перепадами настроения...
Перезревший сок, перегретый воск,
Перебитое поколение.

Перейду на Вы, переход — ничто,
Переход - пешеходово творчество.
Перехода, увы, не заметит никто.
Одиночество, одиночество.

ГЛАГОЛЫ

Пошёл топиться. Не сумел,
а возвращаться не хотелось.
Светало. Грезилось и пелось.
И плакал. Плакал и вырослел.

ВОСТОЧНОЕ

Нам с тобой не впервой, как водится,
жить вне времени и вещей.
Просто вновь за окном находится
королевство серых мышей.

Неприметное, тошное, тусклое,
некурящее и вообще
непохожее очень на русское
королевство серых мышей.

Где главенствует вошь чиновничья,
вся в законах для корешей, —
тех, которых в погонах полковничьих
королевства серых мышей.

И ведь кажется, что летящее,
всё цветное для глаз и ушей
жило время, не предвещавшее
королевства серых мышей.

Что ж теперь горевать о пройденном?
Это просто такое клише:
утверждать, что несчастная родина —
королевство серых мышей.

Ничего, мы нашли здесь себе ночлег,
научились жить невпопад...
За окном вырастает из сумерек
серый, липкий, родной Ашхабад.

РАЗВОД

До свиданья, моя Одесса,
жаль, что так пришлось расставаться.
Остаётся теперь из кресла
в телевизоре ждать «Ликвидацию».

Прощевайте Киев и Харьков —
я в вас был и там было мило.
Вы являли собой подарки
русофобам и русофилам.

Львов, Полтава, Донецк и Припять,
Шепетовка, Луганск, Николаев —
так и хочется с вами выпить
посошок по одной, по крайней.

Закурив, присесть на дорожку,
помолчать, забыв о скандалах.
Мы же, в общем, были, хорошие,
нам же, в общем, всего хватало.

И поднявшись, направиться к двери,
окончательной, неотступной.
И спиною просить доверия,
понимая, как это глупо.

Но предательства не искупишь,
даже если уходишь гордо,
если раньше твердил, что любишь,
а потом — с размаху по морде.

Вот и всё. И идёшь, как в рубище,
пряча стон из последних сил.
Ничего не изменится в будущем.
Ничего. Ты сам заслужил.

Много лет спустя на рассвете
вдруг с тоской наберёшь Житомир.
Но холодный голос ответит:
«Не звоните сюда. Он помер».
Март 2014-го

ЯКОРЬ

Держаться — такая моя непростая задача.
Держаться, когда отрывает от ветра башку.
Держаться, держаться, держаться — иначе
лежать потерпевшим на том бережку.

Туда гонит шквал жизнью битую шхуну —
на скалы крушения ветхих надежд.
Накрыло посудину южным тайфуном,
срывающим парус цивильных одежд.

Вгрызаться в гранит утомлённым металлом,
на смычках дрожащих распугивать рыб.
И помнить: кораллы, кораллы, кораллы
всё сделают, чтоб ты красиво погиб.

Держаться. Скулить про себя, но держаться.
Ты крайняя степень паденья на грунт.

Упасть и отжаться, упасть и отжаться.
А как не отжаться? На палубе бунт.

Команда отчаянья, вся в аркебузах,
готова порвать капитана и юнг.
И Фрейда отправить купаться к медузам,
и Юнга спустить в корабельный галльюн.

А ветер ударил с удвоенной силой,
и цепь оборвалась, как злая струна.
Несёмся на рифы безвестной могилы,
на скалы непрошенной памяти, на...

ПЕЙДЖЕР

Ах, девяностые, лихие,
безумные, сторожевые.
Бабло гуляет по России,
а мы такие молодые...

Пенсий ждут пенсионеры,
шмотки возят инженеры,
касками стучат шахтёры,
рубль — взял почти и помер.
ЕБН, Мавроди, Авен,
Хакамада, Листьев, Кох.
Нет фамилии Аршавин,
есть фамилия Титов.
Пацаны, стрела, разводка,
рэкет, лохи и быки,
«Амаретто», пиво, водка,
крыша, палево, венки.
Бартер, ваучер, валюта,
«сникерс», биржа, фильма «Брат»,
референдум, виза, смута,
траст, Чечня, электорат.
Понт, «тойота», «Doom», прокладки,
Gorky Park, прикид, шансон,
бакс, с дефолта взятки гладки,
видеомагнитофон...

Нынче всё не так как прежде —
вождь, духовность и безнал...
Кто не помнит слова «пейджер»,
тот свободы не видал.

ЭТАПНОЕ

Население шло по этапу,
был невесел весенний этап.

У католиков выбрали папу,
будто мало у них этих пап.

Ким Чен Ын угрожал ойкумене,
веселился и пел его штаб.
И Обама сидел на измене.
«Пусть сосут», — огрызался этап.

На обочинах лузгали семки,
матеря всех очкастых растяп:
«Хорошо бы поставить их к стенке,
не туда ли ведет их этап?»

Был конвой правоверен и злобен,
по-владимирски скучен и ряб.
Спотыкаясь в ухабах колдобин,
к горизонту стремился этап.

Весь в красивых наколках на теле
от дороги тяжелой ослаб,
он ногами ступал еле-еле —
не доевший баланды этап.

Обессиленный лёг он и замер
под молчанье зловещее баб.
Весь такой исторический ламер —
современный российский этап...

Матюгнётся студенточка «фак ю!»
в свете зала читального ламп,
просмотрев на грядущем истфаке
два абзаца про здешний этап.

Где стабильности полная шляпа
и духовности пошлый масштаб...
Население шло по этапу.
Был невесел весенний этап.

ПОБЕГ

День-ночь, день-ночь,
тиканье часов.
Шаг прочь, шаг прочь,
двери на засов.

Уйти, уйти,
не мешать жить.
Позади, позади
порванная нить.

Чуть свет, чуть свет
выйти на перрон
От бед, от бед
сесть в пустой вагон.

Там где, там где
ярки краски дня,
там нет, там нет
больше нет меня.

Летит, летит
за стеклом дождь.
Нелепых обид
в кассу не вернёшь.

Опять, опять
пусто за душой.
Не дать, не взять
и хоть волком вой.

Прочь-вон, прочь-вон —
мысли в пустоту.
Качает вагон
позднюю звезду.

К МУНКУ

Потому что в комнате не было гвоздя
Ванька не повесился, стенку бороздя.
Ванька не повесился, а ушёл в запой.
Утром было весело, после — волком вой.

Волком ли, собакою, бешеной лисой
или же заплаканной совестью босой.
Вой катился по ветру и пугал ворон,
возвращался в сумерках с четырёх сторон.

Гас в тиши, неслышимый больше никому, —
то, что птицы слушают, люди не поймут.
Лишь деревья охали, в небо громоздятся...
Всем плевать, что в комнате не было гвоздя.

ОТПОВЕДЬ

Ни света, ни отблеска, ни тишины
на плясках тепла и покоя.
Последней крапивою обожжены
остатки любви и левкоя.

Труба задохнулась в победном глотке

фальшивящего оркестра.
Уходим с оглядкой, бежим налегке,
как будто украли невесту.

Нет гордости плача и нет палача,
с невыплаканными слезами.
И некого в фарш порубить сгоряча,
столкнувшись в проулке глазами.

Октябрь-забияка нам хлещет в лицо
тоскливой дождливою плетью.
Мы молча покинем чужое крыльцо,
мы просто чужие оплетья.

Никто не задержит, никто не вернёт,
никто никого не осудит.
А ветер тревожною песню поёт,
которая точно погубит.

Мы все умираем в чужой глубине...
Читатель, а ты не тупица?
Ты ищешь в бессмысленной этой хуйне
от Бродского, что ли, крупницы?

Да ты, я гляжу, ценишь гения труд,
не чужд ты изяществу слова.
Я эту херню написал в пять минут, —
не Вера я, чай, Полозкова.

В фейсбуке поэт каждый третий, считай,
тут много искусников слога.
Иди, вон, Прилепина, что ль, почитай,
а лучше —любого Толстого.

ПРЕДЗИМНЕЕ

Пустое неяркое солнце —
примета осенних хлопот,
когда на зиму поворот.
И хочется выпить до донца
тебя. Чтоб осталось внутри
спокойствие мёртвого снега,
застывшего в глупости бега,
налипшего на фонари.
Он стает, конечно, слезами
ноябрьских бешеных дней,
проложив пунктиром огней
перроны с пустыми глазами.
Закончился святости срок,
не выдержав тяжести ноши.

Ты больше не будешь хорошей,
ты просто последний урок,
невыученный, неповторённый
незаданный даже. И вот
никто никуда не придёт.
И снегом приговорённый
декабрь стоит у ворот.

ЖАННА

Весь прошлый год, сходящий на исход,
я прожил нездоровым человеком —
таким полуконтуженным калекой,
хоть выглядел совсем наоборот.

Смеялся, пил, вертепствовал посылно,
все грани года пробуя на вкус.
А жизнь, как рубль, всё меняла курс
с устойчивого вновь на нестабильный.

Какой бы курс не проложил куда,
мозг возвращался в заданную точку.
И эта точка была очень точно,
как Костя Цзю в известные года.

Счет рефери отсчитывал не раз
(его ж не бьют, он только наблюдает
оттуда, где про нас всю правду знают).
Нокаут не случался. Свет не гас,

не отключалось тусклое сознание.
Оно терпело хук и апперкот,
и новый напряжённый поворот
взбесившегося напрочь мироздания.

И вытерпев все, сесть бы в самолёт,
чтоб улететь от постоянных стрессов,
не забыв замечить стюардессе :
"Ну что же, здравствуй, Жанна. Новый год".

КАЛЕНДАРНОЕ

Восемнадцатого, под вечер
во дворе шелестели листья.
Ты сжимала себя за плечи,
напряжённая, словно выстрел.

Девятнадцатого, наутро
в спальне свет находил детали.
Речка Кама текла, как сутра,

бодхисаттвы её читали.

Двадцать пятого было хмуро,
дождь то шпарил, то просто капал.
Скучной нравственности цензура
сутки губы не мяла кляпом.

А тридцатого время встало
мёртвым штилем в тени акаций.
Не моргали часы вокзала.
Тебе ехать. Мне оставаться.

ВОПРОСНИК

Был бы клоуном, было бы проще
получать каждый раз по носу.
Тут же водку пьёшь еженощно,
задавая себе вопросы.

Ты какого, простите, хера
ждёшь, что все обернётся прошлым?
Ври себе, но и знай же меру:
ничего уже нет хорошего.

Вот зачем ты опять повёлся
на намёк, что не всё потеряно?
Сколько было таких же вёсен —
тех, расстреливающих доверие?

Там, напротив, живётся скушно,
там всегда и бездонно правы.
Ты не понял, что ты игрушка?
Мальчик лишь для битья и забавы.

Это с Крымом всё очень просто:
раз — и радость у всех с лихвою.
У тебя ещё есть вопросы?
Зря. Мы можем прийти с конвоем.

А зачем же? За что? Неважно.
Там не спрашивают, там всё просто.
Ты пустая деталь пейзажа,
аппендектovidный отросток.

Ты в расчёт не берёшься вовсе,
зря не тешь себя искушеньем.
У тебя ещё есть вопросы?
Нет. Но нет уже и спасения.

ПАПИРОСКА

Угости, братишка, папиросой сладкой —
мой кисет пустой уже давно.
В госпитале, помню, бился в лихорадке,
а курить хотелось всё равно.

Вот спасибо. Чиркни — мне-то несподручно.
А богатый у тебя "Казбек".
Я был раньше тоже, как пила — двуручный,
а теперь из гвардии калек.

Ничего, прорвёмся. Не в окопах, верно?
Сам-то где, летёха, воевал?
Третий Украинский, в роте инженерной?
То редуктор, то, блядь, коленвал?

Ладно, слава богу, третий год мы дома,
третий год как кончилась война.
Расскажу тебе, товарищ незнакомый,
как приснилась мне моя страна.

Будущее, в общем, год какой не знаю,
но лет тридцать вроде как прошло.
Веришь, до сих пор там наш товарищ Сталин
истребляет мировое зло.

Сам его не видел, только на портретах —
как живой и даже не старик.
Музыка в квартирах — чисто оперетта.
Как сказал однажды мой комбриг...

Ладно, это после. Слышь-ко, а машины!
"Студебеккер" рядом не стоял.
Если бы ты видел, что там в магазинах,
то на раз и пить бы завязал.

Ну, американцы нам враги, хоть тресни,
те еще союзнички, ага.
В будущем, ты знаешь, вновь они воскресли
в образе привычного врага.

Давят на Россию, прямо как сегодня,
прямо как и не прошли года.
И Европа эта, мировая сводня,
шурудит, не ведая стыда.

Люди, как и нынче, в том далёком годе
сталинским традициям верны.
Правда, вот не понял: с Украиной вроде
мы там в состоянии войны.

Как-то непонятно, будто с перепоею —
век такому в жизни не бывать...
Мало ль что приснится, дело-то такое -
сон же ведь, ядрёну твою мать...

В общем, не напрасно мы три года с лишком
защищали родную страну...
Что, уже выходишь? Будь здоров, братишка.
Папироску дай ещё одну.

ЭПИТАФНОЕ

Вы сдохнете. Ах, вы оскорблены?
Ну хорошо, не сдохнете — помрёте.
В постели, под печальный свет луны,
или на встречной, врезавшись в "тойоту".

Неважно. Мне до вас и дела нет.
Я это к слову — в общем, беспричинно.
Презрев сегодня промискуитет,
задумался случайно о кончине.

Своей, конечно, хрена ль ваша мне?
Так вот, я сдохну рано или поздно.
(Тут надо бы о порванной струне,
о том, что захлебнутся криком звёзды

и прочую фальшивую фигню,
но лень и скучно, и бесперспективно).
И лишь последних несколько минут
заставят осмотреться объективно.

Ну, что? Да ничего, такую жизнь
не принято описывать в романах.
Ага, давай ширей карман держи,
что вдруг найдется хроникёр гуманный,

биограф твой, посмертный милый друг,
исследователь бытия поэта.
Который понапишет много букв
о том, как приключалось то и это.

Как ты пришел к вершинам мастерства,
как жил, любил и тяжело работал...
Увы, судьба жестока и черства,
ей похую твои гомозиготы.

Уж лучше сам, покуда полон сил,
покуда не лежу на смертном ложе.

Ну да, я, в общем, милым в детстве был,
что о себе сказать здесь всякий может.

Потом, конечно, стало похужей,
но и не так чтоб стал исчадьем ада.
(Тут запросилась рифма "Фаберже",
а вслед за ней к чему-то и "помада").

Умел любить, умел и предавать.
Был на войне не шибко знаменитой.
Залазил к разным женщинам в кровать,
мог в одного приговорить пол-литра.

Чего-то там придумывал в башке,
чего-то даже где-то воплощалось.
Бывало, что и нос был в табаке,
бывало, и рубля не оставалось.

Тщеславием излишним не страдал,
зато страдал излишне по химерам.
Когда за мной приедет катафалк,
то в воздухе слегка запахнет серой.

Не оттого, что близок к сатане —
с "Техуглерода" ветерок повеет...
Страна не пожалеет обо мне.
Лишь графоманы строй сомкнут теснее.

СОНЕТИК №1

Вы далеки, как прошлогодний снег,
как тихий дождь в жарой звенящий вечер.
Отложенная в будущее встреча
останется несбывшейся навек.

Мы пережили самоих себя,
не став друг другу главным и последним
событием. Придуманные бредни
неслись сквозь нас, терзая и губя.

Всё хорошо. Всё кончилось уже.
И новый неразменянный сюжет
сулит начало жизни окончанья.

Тих и спокоен вечер. Бога нет.
Он знает цену неразумных тщет
слепого и конечного отчаянья.

ОЖОГ

Бог-курильщик затягивается папиросой
перед тем как выдохнуть облака,
что ложатся чуть ниже речных утёсов
и слегка качаются. Лишь слегка.

Запах дыма таёжного — запах Бога,
благодатный жар на краю земли.
Так сжигается бережно то небольшое,
что сберечь по глупости не смогли.

Выгорают лиственницы и болота,
сухостой и редкие солонцы.
Это просто такая работа —
по живому резать: Бог - публицист.

Докурив, вниз бросая святой окурочек,
насылая народишку глад и мор,
он не в гневе, он строго и мрачно будничен,
как заштатный в районном суде прокурор.

"Как? За что?" Не трудись познанием
неизвестного. Просто знай,
что сгорает безудержно в этом пламени
то что ад. Но и то что рай.

А под вечер, когда уже выжжено лишнее,
дождик брызнет, последний пожар поправ.
Бог — курильщик. Он возится с фотовспышкой.
И плевать ему на минздрав.